

Глава 2. Работа и досуг

Память о лагерях — это также и память о тяжелой работе. Как писал А.И. Солженицын, лагерная жизнь состоит из «работы, работы, работы; из голода, холода и хитрости» [Солженицын: 181]. Недаром из многих русских выражений более всего пленным японцам запомнились слова *Давай* и *Норма*. Оба слова имеют самое непосредственное отношение к работе — *Давай* как понукание и *Норма* как ее результат.

После тяжелой войны экономика СССР была в значительной степени разрушена и требовала рабочих рук. Но кроме восстановительных работ пленных направляли и на новые объекты, связанные с освоением новых пространств, в основном на сибирские и дальневосточные просторы. Австрийский исследователь судеб австрийских и немецких военнопленных С. Карнер, хорошо знакомый с общей картиной подневольного труда военнопленных, уточнял, что их использовали в основном при строительстве или восстановлении крупных промышленных объектов и угольных шахт, при строительстве автомобильных и железных дорог, мостов, проведении теплотрасс и газопроводов, а также при жилищном строительстве в городах и рабочих поселках [Карнер:164].

Основным нормативным документом по руководству трудовыми процессами в лагерях для военнопленных стало «Положение о трудовом использовании военнопленных» от 29 сентября 1945 г. НКВД СССР. Конечно, японцам было трудно приспособиться к плановой экономике и такому отношению к труду, когда его количество было важнее качества, а видимость — важнее реальности. Норма выработки устанавливалась государством. К заключенным применялись те же нормы, что и к вольнонаемным рабочим, и были рассчитаны на профессиональных землекопов, дровосеков и шахтеров [Росси: 238]. Военнопленные, как и заключенные, как правило, не имели тех трудовых навыков, что вольнонаемные, к тому же их гораздо хуже кормили, хуже были жилищные условия, в которых было трудно восстановить силы, не было подходящей одежды, поэтому выполнить такую норму пленным было очень трудно. При этом нормы систематически увеличивались.

Невыполнение нормы означало крайне нежелательное сокращение рациона питания. Но часто норма на бумаге не отражала трудностей конкретного вида работ. Так, при уборке снега, например, многое зависело от того, о каком снеге идет речь:

о только что выпавшем, легком снеге, о слегка спрессованном (необходимо надавливать на лопату ногой) или сильно спрессованном снеге (требующем применения лома). Работали пока не будет выполнена норма [Daehler 2003: сайт].

Как писал В. Шаламов, лагерь был местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще [Шаламов: 36]. И. Ёсида был глубоко возмущен системой принудительного труда.

Принуждение к труду нужно запретить. Подневольный труд особенно жестокий. Так как мы были истощены из-за плохой и недостаточной еды, тяжелая работа становилась для нас невозможной физически. Это был совершенно бесчеловечный опыт. Нами злоупотребляли на лесоповале, на доставке воды и подобных тяжелых работах. Вершиной этого были постоянные окрики «Быстрее!». И мы не могли передохнуть ни минуты. Рост смертей был неизбежен. Конец декабря 1945 – март 1946 г. [Ёсида: 108].

Японские военнопленные не могли отказаться от навыков трудовой этики. Ответственное отношение японских пленников к своему труду будет не раз отмечаться наблюдателями, а для самих японских пленных это было обычным делом — они работали всегда одинаково хорошо. Несмотря на подневольность, японские военнопленные выказывали не только добросовестное отношение к труду, но нередко и творческое. Они работали не за страх, а за совесть, не умея работать иначе, даже на чужое государство, которое так жестоко к ним отнеслось. Например, в лагере № 22 бригада Токио Ито выполняла норму выработки на 145%, о чем свидетельствует подпись под фотографией, где пятеро сидят, пятеро стоят, а сидящий в центре бригадир держит в руках Красное знамя [4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 16. Ф. 66]. Вот рассказ ветерана труда завода «Амурсталь» П.В. Номаконова:

В 1945–1946 гг. я работал сменным мастером в механическом цехе. Привели к нам в цех человек пятьдесят военнопленных японцев. Меня им представили как мастера. Я спросил каждого, какую он имеет специальность, и составил бригаду, куда вошли токари, строгальщики, слесари, термисты, машинист мостового крана, уборщик. Таким образом, одна из смен на участке металлообработки стала полностью японской.

К работе военнопленные — простые солдаты и унтер-офицеры — относились очень старательно. Особенно выделялся высококвалифицированный токарь Капутоси Ямада.⁸ Он всегда просил для себя самые сложные задания, где требовалось выдерживать точность до одной–двух сотых миллиметра. Любое задание он выполнял быстро и с безукоризненным качеством [Бондаренко: 63–64].

Такое же отношение к труду отмечено в рассказе А.М. Петрова.

Как-то в воскресенье поставили восемь платформ кирпича на строящийся гараж. За простой вагонов спрос был жесткий, виновников строго наказывали штрафом. Узнав о доставке кирпича, я мигом оказался в японском лагере. Нашел Сидо, переговорили. И надо же, он вывел не только свое отделение, но еще уговорил 26 человек. Кирпич быстро сгрузили [Кузьмина: 35].

Этика труда японцев в корне отличается от отношения к труду узников ГУЛАГа. Если для японских военнопленных труд был связан с достоинством его исполни-

8 Здесь и далее личные имена и географические названия даны так, как приведены в источнике.

теля, то для советских заключенных он в первую очередь соотносился с мыслью о бенефициарии — государственной машине, на которую заключенный (зэка) не хотел работать. Как вспоминал об отношении к своей работе в лагерях Лев Разгон,

это был полный набор уголовно наказуемых преступлений. Их совершал не только я. Их совершали все зеки, начиная с самого рядового заготовщика веточного корма и кончая самыми высокими зековскими чинами — вплоть до начальника работ. Никаких угрызений совести мы не испытывали тогда, как я не испытываю их сейчас. Мы не имели никаких обязательств перед государством. Перед этим государством, которое нас схватило, разрушило или убило семью, держит и мучает здесь [Разгон: 222].

ГУЛАГ был «гильотиной на хозрасчете» — это были лагеря трудового уничтожения, рабочий день в которых иногда длился 16 часов [Шаламов: 18]. В ГУПВИ была своя специфика индоктринации, которая имела место в каждом лагере. На производстве индоктринация выражалась в социалистическом соревновании между бригадами и в личном зачете. Идеи социалистического соревнования насаждались лагерным начальством для того, чтобы поднять эффективность производства, в то же время она была близка по корпоративному духу работы для многих японских военнопленных. У пленных не бывает выбора, и вольно или невольно они втягивались в условия игры. По примеру стахановского движения⁹ было организовано харадзюковское движение.

Стремление к соревнованию стало поводом к ироничной шутке в почти сюрреалистической ситуации.

Однажды нас разбудили, когда было совсем темно, и заставили идти нашей тяжелой поступью навстречу холодному сибирскому ветру. Мы шли вслед за ведущим нас советским солдатом, всадником. Пока мы шли на место работы, мимо проехали два грузовика с сидящими японскими пленными. Один из наших крикнул им — вы из какой части? Давайте соревноваться, кто лучше, пока не вернемся в Токио! Январь 1947 г. [Ёсида: 172].

Однако и японцам становилось ясно, что «выполнению и перевыполнению задания» в лагере способствовало не столько то, как работали военнопленные, сколько ловкость нормировщика, представлявшего интересы пленных, и его умение добывать своего [Карнер: 182]. Недаром к русской нормировщице в одной из японских бригад отправляли с отчетом о работе самого симпатичного военнопленного [Оути: 161].

В лагерях ГУЛАГа выполнять норму каждый день также было трудно, поэтому заключенные кооперировались и попеременно выполняли работу, чтобы получить премиальный паек за перевыполненную норму для одного из них. Эту почти универсальную для советских зэков стратегию вспоминали многие. Вот как это описывал В. Шаламов.

В Бамлаге на вторых путях мы возили песок на тачках. Откатка дальняя, норма двадцать пять кубометров. Меньше полноремы сделаешь — штрафной паек: триста граммов и баланда один раз в день. А тот, кто сделает норму, получает килограмм

⁹ В 1935 г. группа из забойщика А. Стаханова и двух крепильщиков за одну смену добыла в 15,5 раза больше угля, чем предписывалось по норме на одного забойщика. Пропагандистская кампания приписала весь добытый за смену уголь лично Стаханову.

хлеба, кроме приварка, да еще в магазине имеет право за наличные купить килограмм хлеба. Работали попарно. А нормы немислимые. Так мы словчили: сегодня катаем на тебя вдвоем из твоего забоя. Выкатаем норму. Получаем два килограмма хлеба да триста граммов штрафных моих — каждому достается кило сто пятьдесят. Завтра работаем на меня. Потом снова на тебя [Шаламов: 39–40].

Японцы не ловчили, работали честно и честно отчитывались. Советские люди иногда воспринимали японцев как наивных, так как они не усвоили с детства двоемыслие, которым была полна советская жизнь, верили в честность окружающих, в то, что слова должны соответствовать делам.

В СССР пафосные слова и реальные дела часто отличались. Да и сама жизнь была полна недомолвок, умолчаний, противоречий, но советский человек по мере социализации понимал, чему и кому стоит верить и в какой мере. В СССР часто люди говорили в публичных местах иначе, чем дома. Японцы привыкли к тому, что открыто обманывать не будут, тем более лица на государственной службе, так как любой чиновник должен отвечать за свои слова. Им было непросто привыкать к недоверию и подозрительности как основе человеческих отношений, тем более — к вероломству и лжи государственных служащих. Стоило лагерным начальникам пообещать репатриировать в первую очередь передовиков производства или отдать первые построенные здания под нужды пленных, как все пленные поверили и старательно работали ради этой цели.

Каждый барак соревнуется в производстве. Чтобы выполнить больше нормы, в свободное время мы построили три больших дома. Сначала нам обещали, что этими домами мы сможем пользоваться, но пленным дали только одно здание под клуб [Ооути: 124].

Выполнили 240 % нормы по погрузке песка. Но один погиб, его накрыло песком, который обвалился с горы. Каждая группа забивает сваи. Чтобы получить больше процентов, чем соседняя группа, мы пели песню и работали на совесть. Выполнили 210% [Ооути: 154].

Больше повезло тем, кто имел хорошую рабочую профессию и мог работать в помещении, избегая общих работ на открытом воздухе. Как вспоминал И.А. Авдеев,

в управлении лагеря № 18 я был назначен начальником мастерских ширпотреба, которые нужно было создавать. Меня обязали отобрать из числа японских военнопленных художников, портных, сапожников, резчиков по дереву... Портные шили прекрасные модные костюмы, главным образом, городскому начальству. Работы художников и резчиков мы реализовывали через городскую торговую сеть... Близко соприкасаясь с ними, я видел их упорство, трудолюбие, изобретательность. Они отремонтировали все старые швейные машинки, сами сделали необходимый инструмент для резьбы [Кузьмина: 67].

Остановимся на тех видах труда, которые чаще всего изображались в постлагерном искусстве: лесоповал, забой, строительные и сельскохозяйственные работы. В разделе «Досуг» показаны занятия, доступные военнопленным во вне рабочее время, которого было так мало.

1. ЛЕСОПОВАЛ

Лесоповал стал символом подневольного труда сталинской эпохи. Как писал Л. Разгон, тогдашний лесоповал — без мотопил, трелевочных тракторов, автопогрузчиков — был убийствен. Недаром в лагерях ГУЛАГа лесоповал называли «сухим расстрелом» или «лесным расстрелом» (Разгон). Многие сосланные и заключенные помнили, какой опасной и тяжелой физически была эта работа. Композитор Михаил Танич в память о лагерных временах именно так назвал музыкальный коллектив — «Лесоповал», солидаризуясь с теми, кто жил за колючей проволокой и был вынужден валить лес. Международный форум, который проводился в Мемориальном музее жертв политических репрессий ГУЛАГа «Пермь-36», назывался «Пилорама», увязывая ассоциации лагеря с подневольным трудом заключенных.

Работа в деревообрабатывающей промышленности, одной из немногих стабильно приносящей валюту в бюджет страны [Полян 2001: 60], была непривлекательной для свободных советских граждан. В эту отрасль рабочие руки поставлялись государством, это были рабочие руки эзков, уголовников и политических, депортированных латышей, литовцев, эстонцев, поляков, калмыков, кулаков, власовцев, пленных немцев, японцев и др. Тяжелый физический труд и постоянная угроза смерти или увечья, помноженная на статус бесправия, на острое чувство голода, оставляли в памяти тяжелые следы.

Переключка перед выводом на работу зимним утром. Зимой вплоть до десяти утра мы собираемся на построение, каждый со своим топором и пилой, строимся в ряд и готовимся к работе. С мыслями об опасностях лесоповала наш путь, конечно, тяжелее [Хисанага: 68].

Из всех работ лесоповал — самая тяжелая. Повалить огромную сосну или японскую ель одной пилой и топором — серьезное по сложности задание, выполнять его нашим ослабленным телам было трудно. Некоторые падали сами, как подрубленные деревья. Даже зная об опасности, мы не всегда могли ее избежать, потому что уставшие тела нам не подчинялись. Больше всего погибло людей на лесоповале. Январь 1947 г. [Ёсида: 190].

Практически все из рассматриваемых мною художников получили опыт работы на лесоповале и делились своими впечатлениями, описывая последовательность операций и свои чувства.

Это зимняя работа. Сначала надо убрать снег и рубить в нижней части ствола. Если рубить выше, конвоиры сердятся за неэффективное использование ресурса. Сколько людей упавшие деревья ломали кости! Очистить ствол от веток и сжечь, чтобы осталось одно бревно — тоже трудная работа [Сато: сайт].

Сначала надо убрать снег у корней. Мы редко пользовались японской пилой. Обычно обходились двуручной русской пилой. Приятно смотреть, как падает огромное дерево, но все-таки это тяжелая работа. За такую работу в Японии нас кормили бы гораздо лучше. Топором обрубали ветки до коры. Некоторые бревна мы носили руками, но, если попадешь в сугроб, невозможно сдвинуться, так как снег по пояс. А если бревно длинное, тащили канатом [Ооути: 67–68].

Мы со студентом Такаги работали вместе. Ему было 21. Он младше меня на 10 лет, но хорошо работает... Поэтому результат нашей работы хороший. Нам давали рубить высокое дерево, и мы каждый день выдавали 6 кубометров. Это 100 % нормы. Так продолжалось около месяца. Но наши силы иссякли [Ватанабэ: 205].

К японским пленным часто придирались и старались не засчитать честно выполненную норму.

Инструменты для этой работы — бревна, веревка и человеческая сила. Надзиратели не очень строгие, только наблюдают. Мы складываем лес, который привезли зимой, а они проверяли его количество. Кубометров всегда меньше [Сато: 38].

Мужчины, вспоминая о давно прошедших событиях, как правило, хорошо помнят технологический процесс и часто рассказывают о нем в деталях, что свойственно для мужской памяти. Вот и К. Като описывает тонкости лесорубного дела в сочетании с восхищением красотой сибирской природы:

Самый ответственный момент в процессе рубки дерева наступает, когда дерево падает. Если вы хотите, чтобы дерево повалилось в определенную сторону, то на расстоянии 10 см от основания необходимо топором сделать насечку глубиной 7–8 см. Затем следует начать пилить с противоположной стороны, тогда дерево обязательно падает в ту сторону, где насечка. Сначала дерево, которое простояло сотни лет, мужественно переносит холод, как бы пытается сопротивляться, но потом оно медленно падает и с шумом ударяется о землю. На пне остается красивый след спиленного дерева, где как бы начертано, сколько лет оно прожило. Видя, каким красивым было дерево, не можешь не испытать боли от того, что пришлось его спилить. Иногда кажется, что в дереве тоже живет душа [Като: 66].

Тема лесоповала, который валит и людей, показана Ц. Хисанага в картине «В клетке» (рис. 14). Мы видим лежащего на земле человека. По его безжизненной позе трудно представить, что это живой, пусть и раненый, человек. Разве что рот открыт, будто в неслышимом крике, и голова повернута, как будто перебиты шейные позвонки. Поражают две вещи. Позвоночник заменен деревом, похожим на ель. Столб

позвоночный, став деревом, не дает жить человеку. Человек с ним деревенеет, и в итоге дерево падает вместе с пленным, в которого оно вросло.

Возникает и такой вопрос: сколько у человека рук? Две руки находятся на своих местах. Правая рука с топориком растет как дополнительная ветка. Справа мы видим отсеченную часть руки — выше запястья и ниже локтя, но где же та часть, которая должна была остаться? Мало этого, в правом нижнем углу мы видим еще одну руку, держащую лопату. Кому она принадлежит? По цвету она отличается от других рук и ног лежащего мужчины. Как будто кто-то другой рядом тоже стал жертвой леса, воображение рисует, как люди рубят лес и как лес подрубает жизнь лесорубов — сплошной лесоповал.

Я. Казуки и К. Такэути каждый по-своему показывают рабочие инструменты лесоруба. Такэути комментирует: пила лесоруба длиной 1–1,5 метра, топор лесоруба. Автор упоминает господина Коите, который был специалистом по заточке пилы,

а эта очень важная позиция в лагере. К. Такэути также показывает, как он точил свой топор, и подчеркивает опасность этой работы: убегай, дерево падает на тебя. — Ох, опасно [Такэути: 186]. Недаром Уэцухара считал, что адрес лесоповала — первая улица в аду [Уэцухара «Я» (1)].

2. СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Строительные работы оставляют конкретные осязаемые результаты труда. Поэтому не только архивные документы, но и память людская фиксирует, какие здания были построены японскими военнопленными, а их немало по всей стране. Среди них можно назвать здание ГАКФД в Красногорске Московской области, здание Государственного академического большого театра им. А. Навои в Ташкенте, концертный зал в Караганде, Дом культуры нефтяников в Красноводске, комплекс зданий Академии наук Казахстана в Алматы, Театр оперы и балета в Улан-Удэ и многие другие.

Вот как помнят люди трудовой вклад японских военнопленных в послевоенное строительство в Казахстане: «Построено пленными японцами» — для жителей нашего города это уже марка, своего рода знак качества: значит, надежно, крепко и на века. Японцы не признавали брака или халтуры, которыми грешили наши строители, гонявшиеся за планом. Если их торопили, японцы дружно кричали: «Не надо пахай! Пахай не надо!» [Тутов: сайт]. Ими была протянута высоковольтная линия электропередачи от Бекабада до Ташкента, которая и по сей день обеспечивает электричеством значительную часть Ташкента, и Фархадская ГЭС тоже строилась при участии трех тысяч военнопленных японцев. А. Мирбобоев вспоминал:

Тогда строительство Фархадской ГЭС шло полным ходом. Самые ответственные и сложные работы возлагались на японских военнослужащих. Видимо, они были очень умные и творческие люди, не умели халтурить и работали честно и на совесть. Кроме плотины и берегоукрепляющих сооружений, они построили два канала-водоотвода, которые до сих пор без ремонта обеспечивают отток воды с плотины. Самое главное — в этих тоннелях ни капли воды не теряется. Японцы верно рассчитывали и не допускали брака [Тутов: сайт].

Н.Р. Лисица, в то время рабочий «Амурстали», вспоминал, что

все двухэтажные кирпичные дома по улице Копровой (бывшая Бряндинского) построили японцы. Качество работ было безукоризненным. Когда строили дома, играл японский духовой оркестр. Жили японцы на сегодняшней «семерке» (ИТК-7). На работу и с работы ходили строем с красным флагом, сопровождаемые двумя солдатами [Кузьмина: 32].

Вспомним, как мужская память детально помнит технологический процесс. Так и бывшие пленные через годы рассказывали о тонкостях строительного дела в его разных специализациях.

Побелка известью потолков и стен — очень трудная задача. Работа с известью затрудняется из-за того, что известь капает сверху и попадает прямо в глаза. Из-за этого наша одежда все время была мокрой и грязной. Но тщательная работа продолжалась, так как мы были под прессом — мы были обязаны завершить наше задание. Август 1946 г. [Ёсида: 178].

Монтажные работы. Это был очень опасный вид работы, и нам приходилось надевать рабочую обувь. Злой рок определил десятерых из нас для этой работы: пробежать по верхней деревянной перекладине металлического каркаса и вылить раствор цемента из тележки [Киути: сайт].

Солдаты обсуждали, что наша работа похожа на строительство крепости во Владивостоке. Если бы мы строили крепость, нас советская армия убила бы ядовитым газом. Если так, то лучше бежать [Ватанабэ: 222].

Это опасение, видимо, связано с японским опытом ликвидации строителей секретных военных укреплений. Не случайно, что об этом беспокоится полицейский Ватанабэ: так поступали японцы с рабочими в Маньчжурии, и Ё. Ватанабэ думал, что это общепринятая международная практика.

Начало июня 1948 г. Советских плотников и штукатуров обучают ремеслу три месяца. Японские специалисты, работавшие на штукатурке три года, в пять раз быстрее выполняют норму. Значит, и мешать раствор нужно в пять раз быстрее. Советский начальник требовал от нас работать на 100%. Мы приготовили много раствора, но советские штукатурки не успевали его использовать. После этого от нас не требовали 100 % работы. *Работа 30%, ебена мать, японский.* — Японский солдат: работа 100%, понимаешь. — Советский начальник: японский, хватит. Мало — хорошо. Много — не надо [Ватанабэ: 314].

Разработка и строительство одной из грандиозных советских строек — Байкало-Амурской магистрали начинались еще в 1930-е гг. Для того, чтобы соединить Тайшет с Комсомольском-на-Амуре через район к северу от Байкала, в 1934 г. туда завезли заключенных, построивших Беломорканал [Росси: 23]. Позже на этой стройке работали тысячи японских пленных. В пяти лагерях, в которых жили японцы, было сосредоточено 115 924 чел. [Военнопленные: 495]. В 1947 г. на 317-километровом участке между Тайшетом и Братском работало 50 тыс. японцев [Като: 50].

Недалеко от Тайшета, в далеких сибирских просторах, среди болот и тайги построен лагерь для японских пленных. Их задачей было построить вторую сибирскую железную дорогу, названную БАМ. Через каждые 5 км разбиты лагеря с военнопленными, около тысячи человек. Мы были передовым отрядом среди японцев. Мы вначале рубили лес, строили дорогу и здания для тех, кто следует за нами. Каждый день мы колонной ходили по дороге, что мы сами строили. Когда мы доходили до конца участка, снова начинался нетронутый лес, и надо было начинать сначала. Это трудная работа. По вечерам мы возвращаемся по нами же построенной дороге домой ногами, тяжелыми от усталости. Каждый день был как ночной кошмар, без надежды, без отдыха [Хисанага: 10].

Изготовление дранки для крыши — это зимняя ночная работа. Мы поставили большой рубанок на рычаг. Это тяжелая работа. Норму очень трудно выполнить. Хотелось плакать [Саго: 19].

У сибирских плотников было такое оборудование: пила, топор, молоток, палка для рычага. У нас ничего из этого, ни рубанок. Позже мы построили кузнечную мастерскую и стали делать мебель и строить привычными инструментами [Саго: 37].

Лето 1947 г. на второй Сибирской железной дороге. Летом сибирская земля — зеленая, совершенно иная, чем зимой. В результате нашей работы едет, покачиваясь, поезд, груженный лесом. Мы надеялись, что на этом поезде сможем добраться до Токио. Отряд для строительства железной дороги живет в вагоне и укладывает рельсы [Саго: 41].

Японцы и дома строили иначе, чем принято в России.

Японские плотники сначала измеряют, потом сколачивают остов — и основные контуры дома определены. Начальник каждый день смотрит, как мы работаем. В первые дни результатов не видно, он говорит: плохо. Но когда мы все подготовим, то заканчиваем почти что за день. Начальник сразу меняет отношение и говорит: хорошо [Ооути: 117].

Наша работа — строительство школы и домов. У нас был опыт плотников, поэтому мы носили дерево и доски. *Каменщики, какой у вас опыт работы? — Дурак, эту работу может сделать каждый. Я пять лет работал* [Ватанабэ: 300].

Строить на морозе нам кажется странным. Если мы копаем землю сегодня, на следующий день она становится твердой, как бетон. Если грунт мягкий, то 2–3 м выкопать нетрудно [Ватанабэ: 305].

Добротное качество, с каким строили японские пленные, было очевидно для современников. «Истину» глаголет ребенок в книге воспоминаний Е. Гинзбург. На вопрос детей из магаданского детского сада: кто же построил кинотеатр «Горняк», экашки или япошки? — семилетний Володя снисходительно сказал: Разве экашки могут такое кино отгрохать — на баланде-то! А япошки сытые... Им от пуза дают. Ну да и работать они здоровы [Гинзбург: 505].

3. КАМЕНОЛОМНИ И ШАХТЫ

Работа в каменоломнях и шахтах была не менее трудной и не менее опасной, нежели лесоповал, но в представлении японских военнопленных они обладали ореолом особо опасного места. Ё. Ватанабэ опасался двух видов работ — шахты и строительства укрепленных объектов как опасных для жизни.

По воспоминаниям Такеда-сана, на угольных рудниках Иркутской области не разрешали прекращать работу даже при температуре минус 30 градусов. Об этом же и рисунки Киути.

Кто не работает, тот не ест. Сразу приступаем к работе по откалыванию камней. С ломом в руке стоишь перед каменной глыбой и выполняешь дневную норму — 1 кубометр на человека. Работа в бригаде из 4 человек все-таки ужасна, так как нагрузка увеличивается в 4 раза, включая работу грузчика и носильщика [Киути: сайт].

Однако бывали случаи, когда подземный ад кому-то мог показаться и спасением. Пленному Ё. Ватанабэ и его друзьям было нелегко терпеть атмосферу недоверия, которая нагнеталась вокруг них в бригаде лидерами «демократического движения». Они хотели бежать туда, где физическая работа трудна и опасна, поэтому практически нет ни активистов, ни идеологического воспитания.

Мы очень боялись шахты, но, чтобы избежать этого сумасшедшего демократизма, нужно пойти работать на шахту. У меня и у Накамуры нет опыта работы в шахтах. У Танигути и Канно опыт шахтерской работы есть. Можно ли нам работать в шахте? Рабочий режим на шахте другой: три смены каждые сутки. Шахтерам не нужно ходить на собрания, не нужно докладывать и петь революционные песни. Там нет надзора советских солдат, поэтому можно свободно гулять в городе. Шахтерам дают больше продуктов. Конечно, опасно. Но Танигути и Канно нам, наверно, будут помогать. Я решил пойти на шахту. Я пришел в самое опасное место [Ватанабэ: 318].

В первый раз я опустился на глубину 150 м под землю. От плохого воздуха с моими ногами что-то странное. Впервые я имел дело с отбойным молотком, не представляю, как им работать. Моих сил тоже не хватает. Через три дня стало ясно, что у меня нет необходимых навыков. Меня отправили толкать вагонетку. Это легкая работа. Мне кажется, она мне подходит. Жаль, что я не работаю вместе с друзьями. Но когда нет угля, я могу отдыхать и даже вздремнуть. Я чувствую себя, как в школьном коридоре, и забываю, что нахожусь на глубине 150 м под землей.

Через месяц я снова работал с товарищами. В нашем забое подобрались весельчаки. Вначале мы работали вместе с русскими. И тогда работа русских всегда была 100 %, а работа японцев — 30%. Поэтому мы добились разрешения работать полностью японской бригадой [Ватанабэ: 322].

4. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Сфера сельского хозяйства была важной для голодающей страны, основные продукты в которой распределялись по талонам. Когда руководство лагеря не имело долгосрочного задания для тысяч свободных рук, оно направляло пленных на аграрные работы. Это часто практиковалось в сезон сбора урожая. Работа в колхозах и совхозах нравилась пленным, она не была такой тяжелой и опасной, как лесоповал или добыча угля.

Пока мы думали, что ждем корабль для отправки домой, нас попросили убрать сено, что мы и стали делать. Огромные косы, которыми мы должны были работать, были выше нашего роста. Мы не видели ничего подобного в Японии. Когда помашешь весь день этой косой, руки немеют и ими не пошевелить. Под строгим надзором советских солдат мы должны были работать, хотя было действительно больно. <...> С каждым днем увеличивали норму, и мы, японские пленные, стали выдыхаться от такой тяжелой навязанной нам работы. Сентябрь 1945 г. [Ёсида: 78].

Доставка тюков. После покоса и укладки стогов сена нас заставили перевязывать их в тюки согласно дневной норме. Мы работали в снегу на ледяном сибирском ветру. Бригады, закончив работу, уходили одна за другой. Но те, что работали медленней, оставались, несмотря на то, что охранники торопили, наставляли автоматы и кричали «быстрее». Тюки погрузили на лошадей. Середина октября 1945 г. [Ёсида: 96].

Попробовал я как-то поработать славянской косой. У молоденькой девушки получалось легко, а с меня только пот течет. «А все потому, что нельзя вертеть спиной», — говорила девушка [Киути: сайт].

На сельскохозяйственных работах не было риска для жизни, там можно было подкормиться, и сам по себе труд на земле был приятнее, особенно выходцам из крестьянских семей.

5. Досуг

Национализовав тела своих граждан, японское государство национализовало и их личное время. Время, потраченное на себя и развлечения, имело в тоталитарном японском государстве антинародный и антигосударственный душок [Мещеряков 2012: 399]. В свою очередь, советское государство арендовало тела японских солдат, а правовой режим аренды не может быть таким же жестким, как

у собственника. Поэтому, может быть, только в советском лагере впервые за долгие годы японские пленные в редкие минуты отдыха могли заниматься своими делами в соответствии со своими вкусами.

Курение табака в лагере было не только инерционной зависимостью, практикой из прошлой жизни. Курение отвлекало от тяжелых дум, занимало время, было поводом заняться чем-то для себя. Как писал В. Шаламов, «я не бросал курить никогда. Было страшно подумать, что я могу по собственной воле лишиться этого единственного великого арестантского удовольствия» [Шаламов: 109].

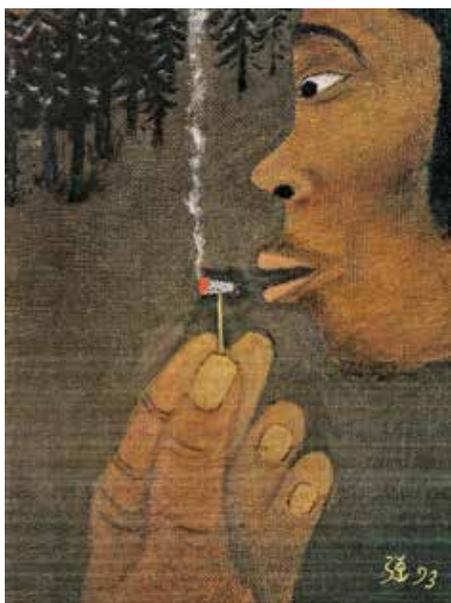
Махорка — самое распространенное низкосортное дешевое курево народных масс, в том числе и заключенных. Каждому заключенному ГУЛАГа махорка полагалась по норме (100 грамм в месяц), но ее выдавали только в исключительных случаях, например, на допросах, чтобы расположить человека, обладающего информацией. Как писал Ж. Росси, в лагерях табак переводят в «поощрительный фонд» и выдают только за перевыполнение нормы. В тюремно-лагерном мире махорка — самая устойчивая валюта. Стандартная порция хлеба (гарантийка) стоила два спичечных коробка махорки [Росси: 216].

Для японских военнопленных с 1946 г. была установлена норма табака низших сортов из расчета 5 г в сутки на человека, 3 коробки спичек и 3 книжки курительной бумаги в месяц, а генералам полагалось 20 шт. папирос в день [Военнопленные: 413–414]. В жизни эти нормы часто не выполнялись. Как утверждал В. Шаламов, табак, как и все продукты, что давали пайкой, был из тех, что уже вылежали сроки хранения на складах [Шаламов: 20]. Однако и такой перележавший табак был в цене.

В Японии махорку в том виде, как в СССР, не использовали. Поэтому авторы воспоминаний должны были объяснить своим читателям, что же это такое и как ее курят. Моринари Ооути, как и Кинси Такэути, рисовал, как крутить самокрутку.

Как приготовить махорку. Бумагу склеивают слюной, внутри — табак. Махорка — это грубо порезанные стебли и листья табака. Как прикурить? Поджечь линзой. Спички для военнопленного — роскошь [Такэути: 70].

Рассмотрим картину Ц. Хисанага «Лицо военнопленного. Махорка». Лицо военнопленного — смуглое, можно решить, что перед нами не японец, а, например, африканец (рис. 15). Такому впечатлению способствуют огромные белки, большие вывернутые губы и ноздри. Согласно распространенным в Японии расовым взглядам той эпохи, представители негроидного расового типа относились к самой низкой группе человеческого сообщества. То, что художник изобразил японца с внешностью, близкой к негроидной, говорит о том, что он увидел в положении и поведении военнопленного признаки принадлежности к низкостатусным группам, может быть, вывезенным из Африки рабам. Все лицо курильщика напряжено и жаждет одного — затяжки.

Кажется, что его руки, губы и ноздри дрожат от нетерпения. Но смехотворна сама попытка затяжки — при великом желании курить мы видим настолько маленький окурочек, что его невозможно держать пальцами, пленный держит его на щепе как на игле. Рядом с крохотным окурком огромными кажутся и без того увеличенные в размерах ладони. Это руки рабочего, рабочие руки — самый главный инструмент пленного — физическая аллегория интернированных военнопленных, которых привезли в СССР именно как рабочие руки. Ниже мы узнаем, откуда эти окурки.

Когда советский надзиратель, докурив папиросу до конца, выбрасывал ее, два-три наших соратника ждали этого момента, и как только он бросал горящий окурочек, подбегали. Счастливчик хватал его и с помощью маленькой ветки держал и курил, пока огонь не подойдет близко к губам, и тогда он глотал дым горлом как спасшийся человек. Так можно поступать, потому что рядом нет ни жены, ни детей [Хисанага: 13].

Подобные поступки, немыслимые в нормальной жизни японского общества с его культурой стыда, оказались возможными в условиях лагеря. Вновь мы находим иллюстрации утверждению В. Франкла, что лагерь — отражение жизни.

Отец и сын. Отец в лагере думает: мой сын, конечно, не представляет, что я здесь подбираю окурки, которые выбрасывают русские. Сын в Японии: отец не подозревает, что я подбираю окурки [Ооути: 95].

Желание курить становилось непреодолимым. В отсутствие табака вставал вопрос, чем можно было его заменить.

Многие хотели курить до такой степени, что дым шел из задницы. Табака не было, и курили мох [Ооути: 52].

Пакета табака на двоих, который, видимо, выдавали в этот период в части Ё. Ватанабэ, страстным курильщикам не хватало, и «они сами сушили травы для курева. Но было невкусно» [Ватанабэ: 65]. Ё. Уэцухара изображает полный цикл «любительского табаководства»: один собирает траву, второй скручивает и третий курит. Подпись: дикие травы вместо табака [Уэцухара: «Та» (1)]. Заядлые курильщики доходили до того, что могли украсть табак у товарищей. Так, Ё. Ватанабэ горестно отмечал, что на Сахалине получил две пачки сигарет и долго их берег, но сегодня они исчезли [Ватанабэ: 189].

Под рис. 16 «Замечательно»
Н. Киути пишет:

Какая роскошь! Привычными движениями рук он аккуратно завернул крошенный табак в полосу газеты. Затем поспешил ее и концы заклеил. «А ну давай, японский, попробуй», — говорит [Киути: сайт].

Махорка была вкуснее любого табака, который только водится на белом свете, вспоминал

Такесуги [Такесуги Ч. 4: 112]. Как мы увидим из рассказа М. Ооути, табак был самой надежной валютой, им можно было привлечь людей к непривлекательной для многих работе в демократическом кружке и к участию в политических дискуссиях.

Сержант С., когда-то работавший на кухне, стал руководить политическими вопросами, он отрастил волосы и получил новую одежду. Все с удивлением смотрели на него. Он читал лекции в разных лагерях. После лекции сержант С. не мог добиться никаких вопросов и реплик, никому не было интересно. Тогда он объявил, что выступающий может получить одну папиросу. Тут же один бригадир высказал свое мнение и получил папиросу. После него было много желающих. Пачка закончилась [Ооути: 76].

У нас организовали общество друзей, в котором насчитывалось примерно 20–30 человек. Членам общества раз в неделю давали «Нихон синбун». Всем была нужна бумага для махорки, но люди боялись вступать в общество потому, что, когда вернуться домой, его членов могут называть коммунистами [Ооути: 96].

Распространенным был обмен вещей на табак. Местное население могло купить махорку или папиросы, но, чтобы выменять у советских людей табак, надо было иметь что-то, без чего можно было обойтись в лагере, или осознавать, что эту вещь все равно отберут при досмотре мародерствующие охранники.

Вещей у меня совсем нет. Поэтому я мог обменять на махорку только кожаный ремень и очень долго ее курил. *За махорку — ремень давай...* У нас была проблема с продуктами, потом — с табаком, и многие японцы стали менять вещи на сигареты [Ватанабэ: 187].

Как нарисовал Ё. Уэцухара на карте «Со» (2), «махорку за сорок (рублей?) давай!»! Сигареты всегда можно было обменять на продукты. Но если военнопленный вместо этого угощал сигаретами товарища, для этого должны были быть веские причины. Как мы помним, Иван Денисович из рассказа А.И. Солженицына, заядлый курильщик, делится затяжкой только с очень нужными людьми, важными для него именно сегодня. Пример Такаги, соратника Ооути, показывает, что японские пленные могли делиться табаком из благодарности, не имея прикладных лагерных целей.

Когда в 1947 г. впервые нам дали 500 грамм курева каждому, все обрадовались и наслаждались. Некурящие пытались менять их на хлеб [Ооути: 95].

Ниже приведен невероятный для ГУЛАГа, но возможный для ГУПВИ случай из лагерной жизни, в котором мы видим, как пленный раздает табак как поминальное угощение.

В предыдущем письме из дома ничего не было написано об отце. В этом письме написали, что отмечали годовщину со дня смерти отца. Я хранил табак для отца, который был заядлым курильщиком. Теперь я его раздал [Ооути: 137].

Спорт, искусство и даже простые хобби помогали переживать тяготы. Если лагерь объединял военнопленных из разных стран, то неминуемо возникали спортивные состязания по разным видам спорта, как командным, так и в единоборствах. Когда японцы играли в футбол против венгров, даже болельщику Ники Ёсио минутой казалось, что он находится в летнем школьном лагере [Barshay 2013: 41].

Неунывающие японские военнопленные устроили с немцами турнир по настольному теннису. Возможно, из-за необычной манеры держать ракетку японцы с легкостью одержали победу [Киути: сайт].

Соревнование по бейсболу. Мы сами сделали мяч из тряпки, он оказался очень мягкий, но это хорошо, чтобы играть в бейсбол на территории лагеря. В конце концов мы даже соревновались между командами бараков [Ооути: 133].

Играли и в настольные японские игры — сёги и го, и в китайскую игру мажонг, которой многие научились в Маньчжурии. Такой досуг поощрялся и даже зафиксирован на пропагандистской фотографии [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 37. ф. 98]. Вот и Ё. Уэцухара на карте «Мэ» (2) нарисовал: на 1 мая устроили вечер игры в мажонг в лагере, а на карте «Ю» (2) изображена игра в сёги. *Нет заката, нет восхода — одни белые ночи. Играют в сёги.* Если в классическом хайку должен присутствовать знак, говорящий о времени года, то на картах ироха Уэцухара допускает намек на географические реалии СССР как на сезон. Например, *кости для игры в мажонг сделаны из березы* [Уэцухара «Ма» (1)]. Играли пленные и в бейсбол, который был к тому времени очень популярен в Японии.

Свободного времени у пленных было немного, и как его использовать зависело от опыта довоенной жизни, возраста, способностей и навыков. Самым простым было углубиться в хозяйственные дела. Например, пленники увлекались своим лагерным «антиквариатом». Одни собирали сломанные ложки, вилки и ножи. Когда бывало свободное время, чистили их. Другие собирали пустые банки разных размеров и приделывали им крышки и ручки [Ооути: 118]. Благодарным было занятие самодеятельностью.

В лагере редко, но бывают дни отдыха. Тогда развлекаемся. Мы пели песни, очень плохо, ставили спектакли, а зрители смеялись до упада [Хисанага: 66].

Почти во всех лагерях художники и артисты имели льготы, так как обслуживали идеологическую работу руководства. Именно по концертам и наглядной агитации руководители ГУПВИ судили об эффективности политико-воспитательной работы начальника конкретного лагеря. Поэтому оформление всего агитационного материала должно было быть на высоте: грамотно нарисованным, понятно изложенным и идеологически выдержанным. Кроме таких официальных заказов могли быть и частные. Нередко лагерные начальники заказывали пленным художникам картины на свой вкус для оформления своего жилища. За выполнение работы художники получали махорку, дополнительно хлеб, иногда — освобождение от тяжелой работы. Но не только социальный, а и эстетический багаж у советских людей и японцев были настолько разными, что нередко конфликты возникали как раз из-за культурных различий.

Советский офицер попросил меня нарисовать картинку над кроватью. Непонятно, что это означает, и я отказался. Потом мне все сказали: дурак. Если бы нарисовал, то получил бы много табака [Ооути: 122].

Середина июля. Мы копали траншею и выполнили норму. Нам дали отдых на две недели. Было скучно. Мы играли в сёги и рисовали манга [Ватанабэ: 293].

Позже у Ё. Ватанабэ возникли проблемы из-за них. Лагерные власти увидели в манга политическую карикатуру, и он не мог доказать, что это особенности жанра.

Во всех лагерях чередовались периоды высокой активности лагерных организаторов и периоды, когда организационная работа шла на спад. В это время досуга становилось больше.

Никто не занимается политическим воспитанием. «Нихон синбун» и брошюры забросили. Сразу после работы люди играли в мажонг, го, сёги. Конечно, все принадлежности для игры были самодельными [Ооути: 140].

Пленным помогали жить и чувство юмора и театральная самодеятельность. Кинси Такэути рисует следующую сценку: после еды двое разыгрывают сценку, как будто врач и медсестра осматривают барак. Врач: грязно. — Слушаюсь, доктор, сейчас уберу. — Госпожа медсестра, не сердитесь, мы только что поели [Такэути: 60].

В каждом лагере ГУПВИ работала культурно-воспитательная часть (КВЧ), призванная устраивать досуг военнопленных в идеологически подходящих формах. Организовывались спектакли, концерты, номера в которых соответствовали коммунистической идеологии. Художники оформляли спектакли и выпускали стенные газеты, писали транспаранты к праздникам, оформляли красную комнату — помещение, в котором велись политические занятия. Разумеется, самым военнопленным важнее было выспаться, искупаться, а не терять время на политические занятия. Но сами по себе музыка, танцы были частью мирной долагерной жизни, по которой так скучали пленники. Поэтому они были рады слушать любые песни, в том числе русские народные или советские. Оттого, что концерты, как правило, были увязаны с политическими собраниями, люди охотнее шли на сами собрания, если после них предполагался концерт.

Как писал С. Кузнецов, самым доступным видом искусства для японцев было музыкальное: пение и игра на музыкальных инструментах. В некоторых лагерях были даже ансамбли, участники которых играли зачастую на самодельных инструментах. Этот вид творчества поддерживался лагерной администрацией и использовался в пропагандистских целях: японцам предлагалось разучивать «Интернационал», советские песни, «Марш Буденного», «По долинам и по взгорьям» и др. [Кузнецов 2003: 295]. Однако, как мы читаем у Н. Киути, звучала и японская музыка.

Всю ночь до утра с другом, который закончил музыкальное училище, мы пишем по памяти ноты. Утром раздадим немецкому оркестру ноты, по которым они для нас сыграют японские произведения. Мы не знаем их языка и не можем говорить на языке слов, но мы можем говорить на языке музыки. Воистину, мир музыки не знает границ! [Киути: сайт].

